

3. См.: Тульчинский Г.Л. Креативные технологии принятия решений в гуманитарной экспертизе // *Философия и культурология в современной экспертной деятельности: коллективная монография.* – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – С. 84-98.
4. См.: Никифорова Л.В., Рудакова Е.А. Особенности экспертного знания и культурологическая экспертиза // *Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт : коллективная монография /Автор-составитель Н.А. Кривич; под общ. ред. В.А. Рабоша, Л.В. Никифоровой, Н.А. Кривич.* – СПб.: Астерион, 2011. – 384 с.
5. Рон М.В. Традиционные и новые виды экспертиз // *Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт : коллективная монография /Автор-составитель Н.А. Кривич; под общ. ред. В.А. Рабоша, Л.В. Никифоровой, Н.А. Кривич.* – СПб.: Астерион, 2011. – 384 с.
6. См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. – Тюмень, 2003.
7. Согомонов А.Ю. Два вектора этической экспертизы в современном мире // *Прикладная этика: экспертный потенциал. Ведомости прикладной этики.* Вып. 41 / под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. – Тюмень : НИИ ПЭ, 2012. – 276 с.
8. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. – С. 320 – 360.
9. Зимбули А.Е. Этическая экспертиза как предмет этического осмысления // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* 2008. №72. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/eticheskaya-ekspertiza-kak-predmet-eticheskogo-osmysleniya> (дата обращения: 29.07.2013).
10. Сычев А.А. Экспертиза: моральная или этическая? // *Прикладная этика: экспертный потенциал. Ведомости прикладной этики.* Вып. 41 / под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. – Тюмень : НИИ ПЭ, 2012. – С. 14-29.

НОВЫЙ ПОДХОД К ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Кашперский Виктор Иванович, д.ф.н., профессор,
УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Социальное проектирование получило толчок к развитию при переходе от мифа к логосу, от господства традиции к попыткам рационального конструирования социальных отношений в политике, экономике и других сферах жизни общества. Как известно, этот этап в истории человечества продолжался несколько столетий и охватил страны Средиземноморья (прежде всего, Грецию времен Сократа), Китай и Индию времен Конфуция и Будды (Гаутамы Сиддхартхи). К. Ясперс назвал его осевым временем истории, обозначив интервалом примерно с IX по III ст. до нашей эры [1]. Переход сопровождался и завершился интенсивной разработкой этических концепций, призванных, по мнению их создателей, разумно оценивать человеческие

поступки, вести человека по пути добродетели. В чем существо произошедших изменений?

Основа морали доосевого времени – нравственность, как она сформировалась в мифологический период жизни человечества, или нравы в форме традиции. Традиция, будучи формой вынужденного следования предписаниям и запретам, на протяжении жизни многих поколений превращается в привычку, схожую с инстинктом: она содействует выживаемости первых форм социальной организации. Традиции и сегодня продолжают играть существенную роль в качестве ожиданий, привычек, типов поведения и даже черт характера людей и социальных общностей. Однако нравственность как предписание должного действия не дает возможности строгого логического вывода, что снижает в глазах получившего самосознание и импульс к свободному волеизъявлению индивида ее ценность в качестве основания морального выбора. В условиях ускоряющегося социального самообновления на первый план выходит ценность новизны, возникает риск утраты традиционных моральных ориентиров. Поэтому сегодня нравы часто трактуются в отрицательном контексте и в качестве базиса морального поведения не рассматриваются: нравы буржуазии в марксизме, нравы олигархов или политических деятелей в жизни современной России, нравы, соотносимые с национально-этническими различиями и т.п. Нравственность рассматривается в качестве универсальной модели, а скорее как групповые и исторически преходящие нормы.

С формированием в осевое время первого культурно-исторического типа рациональности [2] возникают и первые попытки этического, т.е. разумно-теоретического обоснования морали. У греков базисом становится Логос, воплотивший встречу Афин и Иерусалима в универсальном тождестве слова, закона и разума. Победа Сократа над софистами означала отказ от нравственности, мерой которой является человек, в пользу этики, мерой которой становится универсальное благо, справедливость – греческий аналог иудейской праведности. Тенденция этического универсализма присуща и

воззрениям Будды с Конфуцием, хотя, следует заметить, их этические концепции серьезно отличаются от активизма христианской этики. В целом разработанные модели стали классическими и используются до настоящего времени. Но при этом представляется, что они демонстрируют все меньшую эффективность, и процесс снижения последней ускоряется.

Причина, по-видимому, в том, что в своем стремлении к универсализации классическая, нормативная этика предлагает оценки в достаточно жестких полярностях добра и зла. Но как раз эта жесткость препятствует ее реализации в поступках людей. В этом смысле современная этика гораздо менее действенна, чем принято считать. Если два столетия тому предпринимались попытки калькулировать этический выбор, как у Иеремии Бенета, то сегодня, в начале XXI века, происходит саморазмывание классики обыденностью и повседневностью. Одним из следствий жесткой поляризации добра и зла стало фактическое отношение к христианским заповедям или моральным кодексам: в рациональном мировоззрении они замечательны тем, что их можно нарушать. Ведь когда я осуществляю выбор, то благодаря разуму осознаю и возможности иного выбора. Не убий – значит, можно убить; не укради – значит, можно украсть. Хотя, конечно, и грех. Но ведь так получилось, что мы – дети Каина, а не Авеля. Последний не оставил земных наследников. Представляется, И. Кант ввел категорический императив, пытаюсь спасти безусловность морального требования классической этики по меньшей мере в системе социальных взаимодействий, ибо столкнулся именно с моральной амбивалентностью выбора. Действительно, осознавая возможность иного, я, конечно, сталкиваюсь с ответственностью за отказ от него в пользу совершенного мною выбора. Но я могу испытать соблазн произвола, прячущегося под личиной свободной воли. А претензия на безусловность морального требования с уходом из традиции в саморефлексию, с переходом от мифа к логосу и попыткам разумного обоснования становятся манифестацией недостаточности оснований.

Строго говоря, классическая этика в социальном проектировании не срабатывала с начала своего возникновения. Уже первые попытки, включая «Государство» Платона, быстро потерпели неудачу: соединить в политике и во власти философа и правителя, разум и волю в одном лице не удастся, а если в исключительных случаях и удастся, то на всякого Марка Аврелия находится свой Коммод. Впоследствии и многие другие социальные проекты, провозглашаемые их создателями научными и даже «единственно научными», терпели неудачу и получали статус утопий. Поэтому развитым демократиям приходится удовлетворяться сегодня конституционными закреплениями принципов формального права и разделения властей, устанавливая статусные нормы (три вида притязаний правового субъекта: *status negativus*, *status activitus*, *status positivus*) и не особенно полагаясь на этические регуляторы повседневной жизни. Степень ответственности и вменяемости индивида определяются не этическими, а правовыми нормами (обычно с учетом экономических, политических, бытовых и других обстоятельств).

Однако подобное управление, а тем более социальное проектирование предполагает борьбу интересов и неизбежность конфликтов. Всевозможные глобальные проблемы и кризисы обостряются, вызывая к жизни поиски новых этических регуляторов и оценочных критериев. Перехожу к обсуждению одной из наиболее, на мой взгляд, интересных и перспективных тенденций.

Сегодня на наших глазах формируется этика потенциализма, отличная от классической и менее нормативная. Что это за модальность – потенциальное бытие, если вопрос ставить в онтологическом контексте? Достаточно полный ответ на этот вопрос можно найти в цитируемой ниже работе М. Эпштейна. Ограничусь краткими пояснениями. Напомню, что в языке три модальности высказываний разграничивают три модуса бытия: действительности, необходимости и возможности. Так, у Аристотеля, так у схоластов в Средние века. Соответственно этому И. Кант делит суждения на ассерторические, аподиктические и проблематические. Первое дает нам изъявительное наклонение «есть», второе – повелительное «будь», третье –

сослагательное «было бы». Вот это «было бы» и характеризует потенциальное бытие возможностей реального (не «реальных возможностей», как в классической философии, а именно возможностей реального, достижимого и достигаемого приложением творческих усилий человека во всех сферах социальной жизни). Мы живем в «есть», мыслим преимущественно в «будь», а в «было бы» лишь мечтаем как о чем-то, отличном от реального бытия. Иными словами, проблемы этики обсуждаются в оппозиции двух первых модальностей: «есть» и «будь». Ты есть такой-то, будь таким-то (разумеется, «лучше»). Изменения современного менталитета касаются как раз этого «было бы». В нашей литературе впервые я встретил подобную идею в 2000 году у А.А. Гусейнова. На заседании президиума РФО в Ростове он высказал предположение, согласно которому для морали более специфична не императивность, а модальность. Императивно, утверждал А.А. Гусейнов, моральные требования формулируются только в ситуациях противостояния и разъединения, т.е. в ситуациях конфликта. И тогда они обнаруживают парадоксальную амбивалентность: претендуя на безусловность, фактически демонстрируют обоснованность. Долг не может подчинить желание, моральная оценка не вписывает поступок в мир [3]. Впоследствии эту тему он развивает в докладе «Мораль как предел рациональности» в 2012 г. Анализируя философию и этику поступка у М.М. Бахтина, А.А. Гусейнов показывает, что имеется предел разумному обоснованию поступка, а тем самым рациональному обоснованию этического, точнее, реально-морального поведения. Ибо, в отличие от мысли человека, поступок фундаментально-бытийен, он вписывает совершающего его человека в бытие. Как факт бытия поступок абсолютен, задача же морали «заключается в том, чтобы вписать поступок в моральные представления и самого действующего индивида, и окружающих, общества...» [4]. Вот почему диктуемое разумом и рациональностью «будь», ибо «ты должен», пробуксовывает. Добавлю, что современные эксперименты нейрофизиологов показали: наше действие всегда опережает мысль, выбор доосмысливается после действия. Поэтому

осторожное «было бы лучше в такой-то ситуации поступить так-то и так-то» может оказаться гораздо глубже и продуктивнее, нежели «будь». Этому и учит потенциалистская этика, пытаясь связать между собой не две, а все три модальности, онтологически включая «может быть» – единственное позитивное сочетание можествования и бытия [5]. А это модальность возможного, ибо модальность необходимого существует только с частицей отрицания. «Не может не быть», ибо необходимо, обойти невозможно. Или «может не быть», опять с частицей «не», когда речь идет о классически понимаемом случайном.

Сказанное приводит к следующим предварительным выводам. Принятие политической, деловой, бизнес-этикой в ситуациях риска и стресса модальности необходимого (как это имеет место в классической этике), т. е. принятие аподиктического контекста «будь», сопряжено с диктатом, авторитарностью, не всегда осознанным стремлением к монополии и тоталитаризму. Что, в свою очередь, порождает скрытое сопротивление и цинизм у исполнителей (вспомним: «Не убий», значит, можно убить, или украсть, что мы в изобилии наблюдали и наблюдаем в последние два десятка лет). Напротив, принятие потенциализма и модальности «было бы» означает игру творческих сил, совместность возможностей, скажем, собственника, менеджера и исполнителей в бизнесе. В этом варианте ошибки не приводят к гибели, а умеренный стресс в ситуациях риска может становиться созидательным источником воодушевления. Тогда в условиях интерсубъективной коммуникации людьми движет не страх, а наслаждение, не катастрофическое мышление, коим сегодня проникнуты многие наши соотечественники, а ощущение удовлетворения или даже счастья.

Этика выбора, этика поступка – это этика приумножения возможностей. Этичен выбор, который умножает возможности развития, удовлетворения и одухотворения (я предпочел бы здесь термины осознанности и «мудрого осмысления») потребностей т. н. «конечных потребителей». Беру «конечных потребителей» в кавычки ввиду условности и тяжеловесности, неизящности

этого словосочетания, принятого в бизнесе и политическом управлении. Благодаря способности мышления я пребываю в богатстве потенциального мира, а он бесконечно богаче мира наличной действительности. Потому и осознаю себя свободным. И в этой точке обнаруживаю обратную сторону медали: ответственность за невыбранное, упущенные возможности, тот потенциальный мир, которому в этот раз я не дал жизни. Именно в этой точке, одновременно фиксирующей глубокую интимность и базисные условия межличностной, общественной коммуникативной реальности, впервые рождается этический человек. Поэтому, кстати, христианство – этическая религия: искупительная жертва Христа делает человека этически свободным. Ведь избавление от греха, его искупление, актуальное в Сыне божьем, становится с момента жертвоприношения Бога потенциальной возможностью для каждого смертного, возможностью его личного выбора и поступка. Таким образом, преемственность с классическим пониманием этического выбора (поступка) в потенциализме сохраняется, но со следующим отличием: вместо жестких рамок императивов добра и зла выбор оценивается по критериям творческого раскрытия, расширения и умножения потенций бытия как возможностей реального. Онтологически мир возможностей не обедняется, он остается неисчерпаемым, превращение возможности в действительность бытийно не устраняет саму эту возможность.

Вернемся теперь к этике бизнеса и деловой этике. Здесь подлинно великое порождается способностью бизнесменов и политиков к творческому рождению и реализации потенций бытия. Великие люди потому считаются таковыми, что они умножали возможности. Таковы не только выдающиеся политики и бизнесмены, но и художники, ученые. Очень важные для бизнеса вопросы связаны здесь с понятиями ресурса и риска. Только обладая ресурсами, творческий человек может быть в состоянии можествования, т. е. в состоянии умножить и реализовать возможности. Это могут быть внутренние ресурсы личности, но это обязательно и внешние ресурсы. И это всегда риск, огромный риск ошибиться с выбором. И огромный стресс, напряжение

ответственности. Ибо потенциализм раскрывает моральную тяжесть выбора: любой выбор для совершившего его человека изменяет вероятности, вплоть до устранения одних возможностей и появления новых, иногда не просто неожиданных, но и весьма нежелательных, как, например, возможность утраты ресурса, личного или социального банкротства. Метафорически выражаясь, бесконечными ресурсами творческой реализации возможностей обладает только Бог. Ресурсы человека, как и его жизнь – конечны. Основная антропологическая идея нашего времени, высказанная мыслителями XX века Максом Шелером, Мартином Хайдеггером и другими, – это идея открытости человеческого «здесь-бытия», крайней ранимости присутствия, уязвимости самого человека, действующего по законам не инстинктов или нравов, традиции, а по законам разума, лучше сказать сердечного знания, мудрости. Осмысленное действие по определению морально, является поступком и нуждается в этической оценке. Потенциализм манифестирует себя вопрошанием. Именно вопрос проблематизирует кажущееся очевидным. Ибо что такое вопрос? Это вопрос к бытию относительно его возможностей!

Теперь я хочу сделать пару важных замечаний. Первое касается соотношения классической и потенциалистской, нормативной и ненормативной этики. Эпоха романтиков потому привела к драматической путанице в вопросах добра и зла, что романтики неосознанно и, опережая свое время, работали в парадигме этического потенциализма, полагая, что работают в полярностях добра и зла. Впрочем, у меня нет возможности остановиться на этом подробнее. Проблема суперсложная. Сегодня применительно к бизнесу и политике я предложил бы следующее рабочее ее решение. Задумаемся, морален ли Манхэттенский проект по разработке атомного оружия? Он морален в том контексте, что благодаря концентрации личностных и организационно-материальных ресурсов позволил осуществиться мечте человечества овладеть энергией атома. Но он и аморален, ибо не была предусмотрена ответственность за риски и выбор поступков, основывающихся на открывшихся новых возможностях, или потенциях бытия. Как хорошо

известно, это сейчас одна из основополагающих проблем этики науки. Я подошел к выводу: по-видимому, традиционная мораль добра и зла, сократовской добродетели остается конечной базовой основой или горизонтом оценки, подобно тому, как классическая теория истины остается таковой среди множества современных ее интерпретаций, или классическая философия среди множества ее постмодернистских течений. Суть дела, как представляется, в том, что современность бытийствует в контексте информационной коммуникации, интернета и виртуальности, т. е. в мире возможного. Информация – не товар: ее потребление не является ее уничтожением, будучи потребляемой, она не исчезает. Но при этом не замечают, что информационные технологии возможны лишь на вещественно-энергетической базе. То же и в бизнесе: потенциальные возможности для общества не исчезают в случаях личного краха того или иного бизнесмена. Но эти возможности могут существовать только, когда питаются соками ресурсов и материально-технической инфраструктуры. Это как текущая ситуация в мировой экономике: монетаристы во многом правы и действуют вполне морально, пока не умножают финансовые потоки и деривативы сверх меры их возможного ресурсного обеспечения. И здесь классика остается основой, в силу вступает классическая политэкономия. Потенциализм может основываться лишь на вещественно-энергетическом фундаменте.

Второе замечание касается роли посредников в бизнесе. В массовом сознании посредники – это аморальные паразиты, отнимающие часть продукта, предназначенного для конечного потребителя. С потенциалистской точки зрения это некорректно, что попытаюсь показать на примере искусства. Гид, который расширяет возможности понять произведение искусства максимально большому количеству потребителей, поступает морально и во благо. Музей по аналогичной причине – более моральное заведение, чем частная коллекция. Талантливые искусствоведы – тоже посредники в деятельности художников, поэтов, музыкантов. Но мы с удовольствием читаем их книги, потому что они расширяют и умножают возможности

нашего понимания, вживания в искусство, саму игру возможностей, и это морально, заслуживает высокой этической оценки. Хотя неизбежно в процесс втягивается множество паразитов. Не вдаваясь в детали, скажу, что в бизнесе дело обстоит совершенно аналогичным образом. И когда мы готовим специалистов – маркетологов или менеджеров – мы готовим посредников для бизнеса.

Как видим, этика бизнеса, как и деловая, политическая, поведенческая этика, на уровне принятия решений характеризуются в потенциализме существенным снижением нормативности. Понимаю, как это странно звучит: менее нормативная этика. Но, как было показано, речь идет не об упрощении и примитивизации, а об уменьшении императивности, декларативности, назидательности. Как свидетельствует исторический опыт человечества, у творческих людей последние часто вызывают обратную реакцию. Выход за пределы нормы, обычно сопровождающийся утверждением новой нормы, характерен для всякого творческого акта. А успешный выбор действия в условиях риска всегда оказывается творческим актом, вызывающим изумление рационально мыслящих аналитиков или священный трепет непосвященных. В качестве примера приведу язык. Снижение требований к нормативности обнаруживает его континуальность, глубину и непрерывность взаимосвязанных смыслов. Возьмите дискурсивные слова вроде «ну», «вот», «да» или «кстати». В избытке они – слова-паразиты, очевидное нарушение нормы. «Ну, вот, кстати, пришел он, это, и говорит, ну, мол, да...». И в то же время без них часто смысловую континуальность не передать. У филолога В. Плугняна я встретил пример со словом «ведь»: «Ты ведь туда уже ходил». Попробуйте перевести на иной язык. Даже при грубом и весьма приближенном переводе получится что-то вроде: «Ты знаешь и я знаю, что ты туда ходил, но, наверное, ты об этом забыл, и я хочу тебе напомнить об этом, притом я удивляюсь, потому что я считаю, что ты об этом должен бы помнить; или же ты пытаешься ввести меня в заблуждение, обмануть?» Богатство языка – это континуум его возможностей, которые строго не формализуемы,

не могут быть квантифицированы, обладают свойством бесконечной возможности оттенков и нюансов. Но они продуктивны только тогда, когда их общей основой и пределом является исторически принятая норма и в перспективе допускается творческое развитие, изменение нормы.

Конечно, вышеизложенное – это только наброски нового подхода, он нуждается в серьезной разработке. Но уже сегодня идеи такого подхода могут быть использованы при разработке критериев экспертной гуманитарной оценки социальных проектов. Все еще недостаточно осознается тот факт, что так называемые глобальные проблемы и кризисы – это проблемы и кризисы не природы, а человека. Экологические и техногенные катастрофы могут видоизменить природу. Исчезнет не природа, а человек с его разумом, способным проникать в потенции (потаенность) бытия, и преобразующим потенциалом, способным эти потенции превращать в реальность. Тем самым гуманитарная экспертиза призвана определять ключевые и в то же время привязанные к текущей исторической ситуации параметры и границы возможностей деятельности, давая этическую оценку умножения потенциала, возможностей человеческой самореализации как результат действия тех или иных социальных программ. А для этого необходима обновленная, потенциалистская этика.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – С. 37– 44.
2. Проблемы философии науки: учебное пособие / В.И. Кашперский. – Екатеринбург: УГТУ – УПИ, 2007. – С. 71-74.
3. Давидович В.Е., Лешкевич Т.Г. Ростовская встреча – важный этап подготовки к философскому форуму // Вестник Российского философского общества. – 2001. – № 1 (17). – С. 14–15.
4. Гусейнов А.А. Мораль как предел рациональности // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 12.
5. Эпштейн М.Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 30.